

Тишина медленно наполнялась сумраком, и дом из красного, чуть замшелого кирпича стоял без огней. Юлия Кривогорницына не зажигала электричества, её белый подбородок покоился на воротнике платья спокойной расцветки. Она походила на увядшую веточку вишни.

Женщина смотрела на Розмазнина.

Любовник, встретивший недавно своё тридцать второе лето, спал на диване. Юлия была моложе на год, но казалась старше Розмазнина. Может, потому что под глазами у неё легли легкие лиловые тени? Себя она уверяла, что это из-за «яблок раздора и груш печали», которых в последнее время отведала предостаточно.

Она и так раскидывала, и этак и, наконец, загадала, что объяснится с Александром. Но он всё не пробуждался. Мягко, словно тополиный пух, падал на него, кружась, удивительный сон...

Перед девятилетним Сашей вставал «детский день». Тёплый, как рука, воздух пах травой. Бледные щёки Юли слегка порозовели. Девочка заправила соломенную прядь под панаму и, подмигнув, сказала:

– Полон хлевец белых овец... И это?

– Зубы!

– Ах ты так... Не буду с тобой играть.

– Если не бросишь сейчас же кости, тогда я с тобой не буду играть.

Девочка послушно склонилась к нардам, и золотые кости, сверкнув, ударились о слюдяную доску.

– Ага, шесть...

– Ой, правда, шесть! Я хожу.

– Э-э-э... Ходи!

...Детей обступила светлая тишина.

Сияющая на солнце, как сабля, река приманивала взгляд.

– Искупнёмся, Юлька?

– Айда!

Смех рассыпался, будто нарды на доске, и мальчик с девочкой рванули наперегонки.

...Розмазнин открыл глаза и приподнялся с дивана.

Узкий полумесяц, похожий на волчий клык, торчал за окном. Мрачно отливали золотом кости на доске, но не слюдяной, а самой обычной, деревянной. Кости же действительно были из благородного металла, и достались Александру, когда он победил в международном чемпионате по нардам.

– Давно пришла? – вдруг сказал Розмазнин, заметив Юлию.

– Нет, не очень, – тихо прошептала женщина, словно боясь своих слов.

– Ныряй ко мне...

Кривогорницына, немного помедлив, сняла платье и волнисто забелела, как большая чайка.

– Ну, ныряй же!

Она прижалась к горячей руке возлюбленного, он ощутил холод её кожи.

– *Твоё изумление, или твоё*

Зияние гласных – какая награда

За меркнувшее бытие!

И сколько дыханья лёгкого дня,

И сколько высокого непониманья

Таится в тебе для меня,

Не осень, а голоса слабый испуг,

Сияние гласных в открытом эфире –

Что лёд, ускользнувший из рук...

– Красиво, Саш, – женщина отчуждённо улыбнулась. Её заливало какое-то непонятное тёмное чувство.

– Да, красиво.

– А ты любишь? – Кривогорницына хотела прибавить слово «меня», но почему-то не сделала этого.

Розмазнин задумался, пошевелил пальцами быстро-быстро, словно их дёргали за нитку, и сказал:

– Любовь... Для идеальной любви, как известно, нужно время. Его-то у меня и нет.

– А что есть, – глаза женщины сверкали блеском, холоднее, чем блеск стали, – только математика, кандидатская диссертация и эти твои соревнования по нардам?

– Хотя бы и так.

– Вот снова закрылся... Но что мне-то делать?

– Это я закрылся? Да бред...

Юлия жалобно застонала, точно её душили.

– В порядке бреда, – распаялся Розмазнин. Он оглядывал женщину, как командир оглядывает своего бойца.

Какая-то угрюмая крикливость наполнила всё вокруг. Казалось, сам дом подавал голос. Неожиданно Розмазнин замолчал, что-то вспомнив:

«Делать – не всегда трудно. Трудно желать. По крайней мере, желать того, что стоит делать...»

Пока он молчал, Юлия странно морщила лицо – то ли от плача, то ли смеха – и говорила:

– Миленький, пусть это невероятно, но мы должны быть вместе...

– Хм, извини, – нахмурился любовник, – но выпадение грани с номером семь при подбрасывании шестигранной игральной кости невозможно.

– Да о чём ты?

– Мы не будем вместе – вот о чём... Это невозможно, вероятность равна нулю.

– Ну и ладно! – сказала Кривогорницына как-то насмешливо и презрительно.

Женщина выскользнула из-под одеяла и, молча натянув платье, распахнула окно. И тотчас резко хлестнули косые холодные нити дождя. Улицы Юлия уже не увидела – её съел дождь. Потом, когда небо утихомирилось, она, всё так же молча, схватила с вешалки плащ, отворила дверь, сбегала по лестнице и выскочила вон из этого теперь ненавистного ей дома.

Ночь была не светлая, как вчера, а тёмная – цвета расплывшейся туши. Такси подхватило женщину и понесло. И лишь уличный фонарь прокалывал ночь. В луже под фонарём чернело единственное отражение голубой ели.

Розмазнин закрыл окно и, сев на корточки, обхватил голову руками.

«Эх... Неужели никто не прирежет меня?».

На дне чёрной ямы лежал город. Розмазнину не спалось, он всё думал и думал о случившемся. Чувство его не стлело, нет, но он был уверен, что поступил правильно, разорвав, наконец, с Юлией – «ну не должна была она бросить мужа и сына».